
О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЯ СОЮЗНЫХ СЛОВ РОССИИ»

В.С. Елистратов, И.В. Ружицкий

Факультет иностранных языков и регионоведения
Филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 31, Москва, Россия, 119192
Ленинские горы, ГСП, 1-й корпус гуманитарных факультетов,
Москва, Россия, 19991

Статья посвящена одной из проблем современного русского языка, которая заключается в разрыве значения языкового знака и объекта реальной действительности. Этот разрыв ведет не только к десемантизации, размытости ключевых слов-концептов, но и к дефектному пониманию написанных на нем текстов. Одним из способов решения данной проблемы является составление особого комбинированного словаря.

Ключевые слова: национальный язык, кодифицированный литературный язык, понимание, словарь, археконцепт, союзные слова.

В настоящее время в России, как, впрочем, и во многих других странах мира, сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как ситуацию тотальной десакрализации, или профанизации, национального языка, что в первую очередь связано с лавинообразным развитием информационных технологий и повсеместным внедрением Интернета.

Традиционно любой развитый национальный язык ориентировался на определенный корпус текстов, который считался непререкаемо ценным и авторитетным и, соответственно, декларировался как «норма», «кодекс», «стандарт». Как известно, для русского национального языка такой нормативной базой была (и пока еще остается) русская классическая литература XIX—XX вв.

Формально ситуация не изменилась, литературная норма есть, и ее, казалось бы, стараются придерживаться: учебных материалов по русскому языку издается не меньше, чем раньше, культура речи как учебный курс вводится на всех факультетах, в том числе и естественных, да и формальные критерии оценки языковой компетенции остаются достаточно серьезными. На деле же авторитет нормы стремительно падает: литература и русский язык становятся глубоко периферийными, почти маргинальным школьными предметами. То же самое можно сказать и об упомянутых выше введенных во многих вузах курсах стилистики. Парадоксально, но при всей декларируемой важности русского языка и литературы в наше исключительно прагматическое время стимулов для их качественного изучения почему-то не находится.

Как известно, одним из показателей высокого уровня языковой способности является умение спонтанно и быстро переключаться с одного функционального стиля на другой, а для этого, естественно, необходимо владеть всеми функциональными регистрами. То, что мы наблюдаем сейчас, можно было бы назвать «давлением разговорности» (мы живем в эпоху даже не списывания текста, а копирования — при практически полном неумении создавать текст): в Интернете при его

направленности на «вертикальное чтение» не только разговорная речь, но и просторечие, и жаргоны, и огромное количество подчас избыточных иностранных заимствований массово фиксируются в письменной форме и тем самым постепенно вытесняют нормативную речь; устная речь в многочисленных СМИ тоже ориентируется на разговорность, раскованность, живость и т.д., что в большинстве случаев приводит к самому банальному снижению стиля, скатыванию в ту же жаргонно-просторечную зону.

Интересное проявление этого давления разговорности мы находим в среде русскоговорящего населения стран СНГ и Балтии, когда слышим абсолютно искреннее удивление: «Мы же свободно говорим по-русски, читаем те же книги, газеты и журналы, что и русские в России, какая тут может возникнуть проблема непонимания?» А между тем это лишь кажущееся владение русским языком, владение только одним из его регистров при полном неумении переключаться на другие. И, соответственно, кажущееся понимание, которое еще хуже, чем полное непонимание. Отсюда, например, серьезные проблемы в восприятии лекций у студентов (в основном русских!) филиалов российских вузов в странах — бывших республиках СССР. То же самое явление мы наблюдаем у детей русских эмигрантов, приезжающих на учебу (стажировку) в Россию, и, правда, в меньшей степени в современной русской речи граждан России.

Все это достаточно хорошо известные факты, о которых много пишут и говорят. Некоторые исследователи считают, что данный процесс естественный и закономерный и совершенно бессмысленно в него вмешиваться, другие оценивают его однозначно отрицательно. Нам бы не хотелось выносить никаких оценок, задача данной небольшой статьи — сосредоточиться на одном из аспектов исследуемого процесса, вернее, на одном из его последствий.

Национальный язык и его ядро — кодифицированный литературный язык — помимо всего прочего призваны выполнять функцию языка государственного, который можно охарактеризовать как интеграционный, объединяющий, как язык общенациональной лингвистической конвенции (договора). И в этом смысле тенденция, наблюдающаяся в языке информационно-цифровой эпохи, прямо противоположна: это тенденция к дезинтеграции, можно сказать, к некой дисперсии, распылению, произвольному размыванию смыслов и, что очень важно, «общенациональных смыслов», т.е. тех *археконцептов*, на которых стратегически вырабатывается существования общества и государства.

Очень много говорилось и говорится о так называемой национальной идее, иногда всерьез, иногда — иронично или лукаво. В контексте нашей проблематики можно сформулировать мысль следующим, пусть и несколько радикальным образом: национальная идея — это национальный язык [1—3], т.е. задача (идея) государства — поддержание (с помощью так называемой языковой политики) национального языка в таком состоянии, которое позволяло бы формулировать основные общенациональные смыслы, ценности и цели в доступном и ясном для всех носителей данного языка форме. Собственно, это и есть государственная идеология, но не в узком, классово-социальном, «советском» значении этого слова, а в значе-

нии исконном, т.е. как система идей (смыслов, целей, ценностей) философских, политических, художественных и т.д., в нашем случае — государственных. Идеология — это, с одной стороны, не банальный политический лозунг, с другой — не какая-то туманная абстракция, а система конкретных идей-смыслов, выраженных в конкретных, можно сказать, главных словах национального языка, которые позволяют языку быть общим, а народу — единым. Такие слова можно охарактеризовать как союзные (разумеется, в данном случае имеется в виду не лингвистический термин «союзное слово»), как «слова-узы», связующие слова, иначе говоря, **археконцепты-идеологемы**.

Важно подчеркнуть, что речь не идет о чисто «политических словах», поскольку политика а priori подразумевает спор, противостояние, конкуренцию. В первую очередь мы говорим о тех словах, которые соединяют Россию на протяжении веков. Именно их смыслы в современном массовом дезинтеграционном дискурсе наиболее активно размываются и дискредитируются. Это такие слова (имена существительные и их производные), как *Бог, совесть, святость, честь, гордость, дух, вера, любовь, чистота, мечта, радость, страдание, печаль, грусть, благо, добро, зло, деньги, вред, польза, народ, общество, государство, дом, семья, воля, свобода, мир, власть, держава, дело, друг, дружба, долг, предательство, преданность, правда, ложь, страх, суд, язык, Россия, Русь, русский и др.*

Причин тому, как нам представляется, минимум три.

Во-первых, некоторые союзные слова с их смыслами могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся (например, *народ*). Они превращаются в некое подобие стертых (сухих, общеязыковых) метафор, вроде *носика чайника* или *неизгладимого впечатления*, которые по сути являются метафорами, но для многих утратили свой метафорический, образный «заряд». Точно так же и союзные слова: их глубинные и очень важные, ключевые для общеязыковой конвенции россиян смыслы словно бы «разрядились» для подавляющего большинства носителей языка. Эти слова — как воздух, мы все им дышим, но не замечаем, рефлексии над значениями этих слов не происходит.

Во-вторых, многие из этих слов воспринимаются в массовом сознании как слишком высокопарные, напыщенные (*держава* и т.п.), тогда как на самом деле их этимон, внутренняя форма не имеют к высокопарности никакого отношения: они в высшей степени конструктивны, функциональны, даже в хорошем смысле прагматичны.

В-третьих, массовое сознание может сужать и приземлять значения некоторых союзных слов (например, *власть*). Тут возникает эффект, противоположный знаменитому эффекту айсберга: семантически богатое, многомерное, «харизматичное» слово выполняет функцию узкополитизированного и еще более узкоценочного. Периферийная коннотация затмевает собой не только все другие коннотации, но и сам денотат.

Во всех трех случаях союзные слова нуждаются в своего рода лингвистической и лингвокультурологической апологии (реабилитации), иначе говоря, семантической реставрации и в известной мере консервации. Мы ни в коей мере не при-

зывается к «охранительству», мы говорим именно о реабилитации, «лечении» слов. История мировых культур и языков знает подобные прецеденты, которые следует признать вполне удачными. Это, к примеру, конфуцианская культурно-языковая реформа в Китае или классицистическая реформа в Европе. По всей видимости, в начале XXI века в России назрела потребность в аналогичной реформе, при этом, разумеется, необходимо принимать во внимание специфику современности.

Союзные слова призваны в первую очередь идейно объединить, во-первых, народы России, во-вторых, народы СНГ. Оптимальный первичный жанр идеологической презентации слов — словарь. В дальнейшем на базе Словаря союзных слов России возможна разработка иных жанров.

На первом этапе такой Словарь, вне всяких сомнений, целесообразно составлять на русском языке как государственном языке и языке межнационального общения. В дальнейшем необходима разработка материалов на других языках России и постсоветского пространства с целью поиска национальных эквивалентов русских археконцептов, семантической гармонизации межнационального общения, общей семантико-идеологической базы.

Лингвокультурологическая «диагностика» и «лечение» археконцептов подразумевает в первую очередь их комплексное, всестороннее описание. Кроме того, целью создания Словаря является привлечение к указанной выше проблеме внимания максимального количества читателей, не только гуманитариев. Следовательно, Словарь должен быть аттрактивен и содержать риторико-дидактическую составляющую. Все вышесказанное определяет следующую задачу — разработать максимально эффективную для достижения данной цели структуру словарной статьи.

Диагностическое описание слов-археконцептов предполагается проводить следующим образом:

1) ввод словарной статьи — слово-археконцепт (чаще всего, но не обязательно это имя существительное);

2) краткое дидактико-публицистические «эссе» о слове-археконцепте (своеобразный полемико-публицистический «конспект» основного корпуса словарной статьи, цель которого — заинтересовать читателя Словаря в дальнейшем, уже академическом тексте), в котором в доступной даже для не лингвистов форме и по возможности полемически заостренно ставится вопрос о фундаментальных причинах его «болезни», семантической аберрации; здесь же приводятся примеры опустошения значения данного слова, «замутнений исконного этимона» (в текстах СМИ, в частности, интернета, выступлений политических и общественных деятелей и т.д., а также результаты проведенного ассоциативного и социолингвистического экспериментов);

3) зона, посвященная анализу определения значений описываемого слова, содержащихся в основных, наиболее авторитетных толковых словарях русского языка;

4) интегральная, обобщающая, итоговая дефиниция, которая максимально полно диагностировала бы состояние семантики слова;

5) зона этимологии; предполагается, что этимология, этимон есть своего рода генетический код слова, его онтологический базис, а одним из самых эффективных приемов семантического «лечения» является возвращение к этимону, апелляция к смысловой первооснове, к его семантическому «детству» (этимологическое «проговаривание» проблемы — одна из составляющих лечения археконцептов);

6) зона ближайшей этимологии, в которой фиксируются семантические изменения, произошедшие в последние десятилетия; эти «революционные» мутации (абerrации, искажения, «выветривания» и т.д. смысла слов), происходящие в информационную и цифровую эпоху, принципиально отличаются от тех «эволюционных» изменений, которые происходили ранее на протяжении нескольких веков; именно в этой зоне словарной статьи максимально полно даются результаты мониторинга негативных трансформаций семантики анализируемых археконцептов;

7) зона словообразовательного гнезда, эпидигматических связей слова, предназначенная для анализа и фиксации способности того или иного корня порождать однокоренные слова (т.е. речь идет о некоей родовой, «демографической» функции корня, который также необходимо учитывать для составления полной картины «диагноза» и, соответственно, «лечения» ключевых слов современного русского дискурса);

8) зона ближайших синтагматических связей описываемого слова, как гипотаксис, так и паратаксис, в которой дается и анализируется синтагматическое бытование археконцепта; отдельно фиксируются наиболее типичные случаи нарушения лексической и грамматической сочетаемости;

9) зона ассоциативных и семантических связей описываемого слова, выявленных семантических гештальтов [4];

10) зона когнитивного потенциала археконцепта, в которой фиксируются наиболее типичные примеры вхождения описываемого слова в когнемы разных типов (идиомы, пословицы, афоризмы, различного типа генерализованные высказывания, прецедентные тексты, метафоры и другие тропы);

11) зона мнемонического потенциала слова-археконцепта, возможностей его функционирования в качестве ядра мнемы-фрейма [5];

12) зона эмоционально-оценочного фона описываемого слова-археконцепта, фиксирующая в основном результаты ассоциативного эксперимента, а также данные уже существующих ассоциативных словарей;

13) лингвокультурологическая рубрика Словаря, в которой фиксируются основные особенности функционирования описываемого слова-археконцепта в различных лингвокультурах и представлен религиозно-этнический «диалог дефиниций», отражающий общую картину понимания той или иной союзной идеологемы;

14) библиография, работы (с кратким описанием их содержания), посвященные изучению описываемого в словарной статье археконцепта.

В качестве иллюстративного материала Словаря предполагается составить корпус значимых текстов — художественных, научных, публицистических и др., которые в дальнейшем должны быть введены в общеевразийское информационно-культурное, идеологическое и образовательное пространство.

Национальное согласие возможно только через заключение закреплённого в Словаре языкового договора, через союзную конвенцию о значениях ключевых для разных культур слов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Елистратов В.С.* В трехмерном пространстве русского языка (заметки на полях дискуссии) // Знамя. — 2006. — № 9. — С. 186—192. [*Elistratov V.S.* V tryokhmernom prostranstve russkogo yazyka (zametki na polyakh diskussii) // Znamya. — 2006. — № 9. — S. 186—192.]
- [2] *Елистратов В.С.* Глобализация и национальный язык // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 4. — С. 21—27. [*Elistratov V.S.* Globalizaciya i nacionalnyj yazyk // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya. — 2006. — № 4. — S. 21—27.]
- [3] *Елистратов В.С.* О содержании термина «языковая политика» в начале XXI века // Мир русского слова. — 2007. — № 3. — С. 18—22. [*Elistratov V.S.* O sodержanii termina «yazykovaya politika» v nachale XXI veka // Mir russkogo slova. — 2007. — № 3. — S. 18—22.]
- [4] *Ружицкий И.В.* Цепочка ассоциаций как единица восприятия. Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2010. — № 3. — С. 19—27. [*Ruzhickij I.V.* Cepochka associacij kak edinica vospriyatiya. Rossiya i russkie v yazykovom soznanii nositelej inyx kultur // Vestnik RUDN. Seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika». — 2010. — № 3. — S. 19—27.]
- [5] *Ружицкий И.В.* Мнемы как ключевые образы языкового сознания // Русское слово в русском мире: Государство и государственность в языковом сознании россиян. — М.: Азбуковник, 2006. — С. 176—195. [*Ruzhickij I.V.* Mnemy kak klyuchevye obrazy yazykovogo soznaniya // Russkoe slovo v rusском mire: Gosudarstvo i gosudarstvennost v yazykovom soznanii rossiyan. — M.: Azbukovnik, 2006. — S. 176—195.]

ON THE «CONNECTIVE WORDS DICTIONARY» PROJECT

V.S. Yelistratov, I.V. Ruzhitskiy

Chair of Foreign Languages and Regional Studies
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Lomonosov avenue, 31/1, Moscow, Russia, 119192
Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991

This article is about one of the main Russian language problems, i.e. a gap between the object of reality and the linguistic sign meaning. It leads not only to the desemantization of the main state language verbal concepts, but also to misunderstanding of the text written in this language. One of the ways to solve this problem is creating a special combined dictionary.

Key words: National language, codified literary language, understanding, dictionary, connective words.